Домовой

Јудивительные письма получает Родионов после выхода в свет «Колывани камнерезной» и статьи «Память слова и дело памяти». Прочтем их. «Здравствуй, Саша!

Прости за беспокойство, но вот какое дело: ходят слухи, что наш музей, что у моста, хотят убрать и сделать трамвайное кольцо <...> вроде бы музей мешает движению транспорта и сто-

ит на дороге. Мало того, что раздолбили два двухэтажных дома (вправо от музея по ул. Советской, если сесть лицом к мосту) архитектуры конца 19 — начала 20 века. Пожалуйста, узнай, ты поближе к верхам, — бийчане любят и ценят этот музей, как москвичи Кремль, и очень были бы благодарны, если что-то бы

прояснилось».

Письмо датировано 21.12.1986 года, но подпись в нем неразборчива. Послание завершается фразой: «Спасибо за публикацию в Молодежке, я не ожидала, старая уже. Сколько прошло луч-

ших лет...»¹. Вероятнее всего, с просьбой к Александру Михайловичу обращается журналист Елена Егоркина, статья которой «У источника памяти» о бийском клубе шукшинистов опублико-

вана в газете «Молодежь Алтая» от 27 июля 1986 года.

Еще корреспонденция — от колыванского мастера-камнереза: «Уважаемый Александр Михайлович, здравствуйте!

Вопрос вот какой. Почему нашу Колыванскую фабрику пере-

именовали в завод им. Ползунова, а не дали ей имя Ф.В. Стрижкова? Стрижков ее построил по собственным чертежам, оснастил

механизмами изобретенными им по обработке камней, первый в мире. Был художником, первым управляющим и т.д., а память

о нем увековечена в одном названии улицы! Нам, колыванцам, просто обидно как-то! Мы об этом не раз говорили и в поселковом совете, но не зна-

ем, как это сделать покультурней и надежней, куда обратиться по этому вопросу. Мы не против как заслуженного имени

И.И. Ползунова, но он же ни разу не был в Колывани. Вот мы с Борисом Григоричем поговорили и решили обратиться к Вам за советом и, может, помощью.

Вам колыванцы будут второй раз очень благодарны.

С глубоким уважением Алексей Ефимович Поднебеснов.

13.12.87. Колывань»². За что же первая благодарность Родионову от колыванцев

причитается? Несомненно, за книгу «Колывань камнерезная»,

за любовь писателя к мастеру и мастерству. Прежде Александр Михайлович читал иные письма, в них, как правило, поздравляли его с новой книгой или проси-

ли выслать наложенным платежом «Чистодеревщиков». Все это — и здравицы, и заказы на книги — есть и теперь, однако

¹ Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Ф. Р 1696. О 1. Д. 120. Л. 59. ² ГААК. Ф. Р 1696. О 1. Д. 120. Л. 15. Письмо приводится в авторской пунктуации.

тора, в ранге которого пришлось ему походить немало, он обращается в признанного писателя, знатока истории Алтая и Сибири, а главное — отныне общественность видит в нем защитника русской культуры. А коль заступник, то и тянется к нему неравнодушный народ с жалобами, предложениями и просьбами по-

восхитительно взрывное лето 1986-го делит жизнь Родионова надвое и знаменует новый этап в судьбе. Из начинающего литера-

И Родионов бескорыстно отстаивает русские рубежи в культуре и искусстве. Тут сама собою вспоминается сбереженная матерью, Татьяной Леонтьевной, детская тетрадка Саши Родионова. Двенадцатилетний отрок старательно переводит по клеточкам с открытки и раскрашивает цветными карандашами «Трех богатырей» Васнецова. Картинка — особенная, с историей, она срастается с экстремальным путешествием подростка через буранную

степь, закрепляется в памяти тревожным и одновременно счастливым сигналом — знаком судьбы. Родионов обращается к эпизо-

ду из детства и в ранних стихах, и в поздней публицистике:

Я начал рисовать богатырей.

А у меня за пазухой картина —

Спешу к родным добраться побыстрей.

Пересекая белую равнину,

Три пограничника. Лихие. Боевые³.

Алеша Попович, Добрыня Никитич, Илья Муромец — кого выбирает Санька в мальчишеских играх?

Ответ в стихотворении:

влиять на «верхи».

Открыл Илья былинные уста: «Вы тут вдвоём пока постерегите, Буран парнишку во поле застал», И трогает коня, и выезжает Во чисто поле к маленькой копне, И в белый холмик руки погружает,

И жарко так в его объятьях мне.

и победе. Кстати, и Пасха в 1945 году праздновалась 6 мая, в тот самый день, когда он родился. Какими прекрасными смыслами подсвечена судьба его!

В 1986-м Родионову — сорок один. Пора, пора побеждать.

Конечно же, Саша Родионов примеряет кольчужку Ильи Муромца, что кажется вовсе неслучайным для мальчика, появившегося на свет 6 мая, в день памяти Великомученика Георгия Победоносца. Два всадника с копьем наперевес — один из былинного эпоса, другой из житийной литературы, оба — народные любимцы, змееборцы, святые русской Церкви — незримо присутствуют в жизни Александра Родионова, покровительствуя его участливой душе, которая, быть может, еще до рождения, по судьбе, была посвящена заступничеству, сражению

Давно, в Тисульском 1969-м, получил Саня Родионов письмо от Валерия Жестова, собрата по геологическому факультету и вузовской газете «За кадры».

«Рыжий, здравствуй!

⁴ ГААК. Ф. Р 1696. О 1. Д. 118. Л. 54.

...Понимаешь, старик, сроду не любил писать писем и вдруг с ужасом почувствовал, что нет ведь у меня друзей, кроме рыжего, а он черт знает какой массовой разведкой руководит и бог знает

где. Зараза, ты почему не зашел, когда был в Томске? Ведь мы с тобой приехали одновременно. И грустная получилась история: в четверг уезжаю наконец

в Ейск. Вырвись хоть на денек. Хотя бы на пару часов для кабака, чтобы спрыснуть книжонку, которая у меня уже «на лапе». Приезжай до 27. Побазарим, посидим за чем-нибудь сорокаградусным. В конце концов еще не все глобальные проблемы решены. Давай, инженер, жму лапу и треплю за прекрасную бороду.

Да здравствуют рыжики, свежие, хрустящие на зубах и несущие в себе и ароматы тайги, и лета»⁴.

³ Родионов А. М. Я на каникулы отправлен// Родионов А. М. Портрет реки: новые стихи и поэмы. — Барнаул, 1982. — С. 7.

Письмо, судя по другим корреспонденциям, где упоминаются те же обстоятельства (книга, Ейск), — ноябрьское. Рыжий вырвется и получит на память от Валерки «книжонку».

Лет через тридцать пять Родионов определит жестовского

«первенца» — книжку «Продолжение следует» на свою авторскую полку в отдел редких книг Алтайской краевой библиотеки. В тоненьком очерковом сборнике с мажорными, но банальными

скую полку в отдел редких книг Алтаиской краевой библиотеки. В тоненьком очерковом сборнике с мажорными, но банальными даже и по тем временам заголовками («Коммунары», «Если ты — партия») меня более всего притягивает дарственная надпись:

партия») меня более всего притягивает дарственная надпись: «Первому парню в Тисуле, рыжему алкашу и рифмоплету, а также моему першему другу Саньке Родионову (Д. Ионову, Родинову)». Молодеческий шик, подкол, шарж и вызов адресует однокашнику представший с победой Валерий.

Родионов и Жестов по-юношески соперничают в институте. Валерий, успешный, удачливый, одинаково легко делающий газетные строки и карьеру, воспринимается Александром в некоторой степени как образец для подражания. Родионов даже стихи Жестову посвящает. Вместе с тем в необъявленном состязании не отстает от друга, печатается в многотиражках, участвует в томских днях поэзии, лидерствует в молодежных компаниях. А с книжкой Жестов обогнал. Пытаюсь представить реакцию Родионова и на сборник, и на автограф. Думается, как принято, они обменялись тостами, что-нибудь вроде: «Молодец, Валерка! Поздравляю». — «Теперь очередь за тобой, Саня». Родионов уме-

внешне. «Алкаша» Родионову ничего не стоило изъять, вырвать с корнем, но для чего-то оставляет он авантитул нетронутым и заботится о надежной сохранности книги.

Знает он все про себя, Родионов: и светлое и мрачное, и доброе и брыдлое, понимает, что и люди не слепые — всё видят. Так есть ли смысл выдирать листы из книги? Прилизанности, елея Родионов, не терпит, как говорится, «полюбите меня чернень-

ет радоваться успехам друзей, но на «рифмоплета», пожалуй, мог и обидеться — внутри себя, в душе, никак не проявляя досады

Родионов не терпит, как говорится, «полюбите меня черненьким», таким, каков есть, — с лохматыми бровями, нависающими над глазами крутой волной. «Это характер из меня торчит», объясняет он предлагающему укоротить бровастость Сергею Бо-

женко.

позже статьи «Чистодеревщики», подписанной «Д. Ионов». Догадка о псевдониме была самостоятельной, автограф Жестова лишь подтверждает ее и открывает еще один «позывной» Роди-

К слову, книга Валерия Жестова попала мне в руки гораздо

турное прозвище — «А. Лукин», однако эта гипотеза требует доказательств. На родионовской полке в редком фонде лежат десятки дру-

онова. С годами, предполагаю, появится у него и третье литера-

На родионовской полке в редком фонде лежат десятки других книг с дарственными надписями. Любопытно проследить, как со средины 1980-х памятные росчерки меняют характер. Все меньше шуток, все реже «Санька», все чаще — «Александр Ми-

хайлович», да «с уважением», да «уважаемому». Автографы демонстрируют признание, дружеские чувства, обозначают изме-

нившееся восприятие Родионова обществом.
Виктор Горн дарит Александру книгу «Наш сын и брат» с милым, намекающим на рыжину друга, инскриптом: «Дорогому солнышку с чувством теплым. Свети, Саня!» и, между прочим, ста-

вит загадочную дату, в которой, видимо, выпущен месяц: «19.85». Валерий Ганичев пишет на титульном листе «Росса непобедимого»: «Александру Родионову в надежде на непобедимость россов! 25.07.88». А у Владимира Башунова — стихотворный сборник «Возвращение росы», и подарен он другу со словами: «Саше Родионову, заступнику Отечества, на удачу в будущих драках, коих несть числа. 20.10.86».

«Возвращение росы», и подарен он другу со словами: «Саше Родионову, заступнику Отечества, на удачу в будущих драках, коих несть числа. 20.10.86».

И дракам, истинная правда, конца-краю не видно. С 1986 и до конца жизни Родионов ведет бесконечные бои за русскую старину, за историческое наследие, за колыванское искусство.

Ровно через год после празднования в Колывани 200-летия камнерезного дела на Алтае, день в день — 18 октября, в газете «Советская Россия» выходит статья Родионова «Замолчал «говорящий» камень». Колыванский хронист бьется за родной завод,

за уникальное камнерезное мастерство. Он выводит проблему неумелого управления редким предприятием с местного уровня на республиканский и говорит о том, что Колывань, некогда

для архитекторов и строителей страны. В публикации упоминается о крупном заказе, над выполнением которого завод трудится как раз в 1987-м. Для одной из станций новосибирского метро колыванские мастера собирают 170 квадратных метров флорентийской мозаики по проекту художника Георгия Алексеева. Плохо то, что «столь же масштабной работы на горизонте не видно». Родио-

украшавшая царские дворцы, в советские годы прозябает без заказов. Ее не видят в Министерствах, она остается неизвестной

нов критикует министерские ведомства, а вместе с ними Эрмитаж и другие крупные музеи страны, которые, имея богатые собрания колыванских вещей, не откликнулись на 200-летие алтайских камнерезов хотя бы ретроспективными выставками. Итожа статью, автор рекомендует при строительстве общественных зданий — музеев, ДК, кинотеатров — принимать во внимание работу колыванских

мастеров, а не экономить на дорогих материалах ради премии.

На протяжении многих лет покровительствует Александр Михайлович «мастодонту», крупнейшему в мире элеватору, возве-

денному в городе Камне-на-Оби. Это зернохранилище размером с семиэтажный дом было построено, подобно русским избам, без единого гвоздя по проекту теоретика космоса Юрия Васильевича Кондратюка (настоящее имя Александр Игнатьевич Шаргей).

Родионов взывает о спасении краснокнижного «циклопа»: в «Алтайской правде» — в 1986-м, в журнале «Огонек» — в 1987-м, в «Красной книге ремесел» — в 1990-м.
Писатель воспринимает камнеобского колосса живым суще-

ством. «Он пережил пожар, наводнение, даже землетрясение — устоял! — пишет Родионов в статье для журнала «Огонек». — И вот над ним новые враги — равнодушные... Совсем недавно в бывшем Министерстве заготовок, посчитав, что элеватор свое отслужил, решили просто-напросто его разобрать, чтоб не мозолил глаза.

решили просто-напросто его разобрать, чтоб не мозолил глаза. С «мастодонта» уже содрали «кожу» — тесовую обшивку. Вода получила доступ в замковые соединения — деревянные конструкции

в таких условиях долго не протянут. Элеватору грозит разрушение! Но прежде чем снять «кожу», руководитель Каменского комбината хлебопродуктов распорядился сорвать мемориальную доску, свидетельствующую, что элеватор — памятник истории и охраняется

детельствующую, что элеватор — памятник истории и охраняется государством».

В конце 1980-х перестроечный «Огонек», выходящий тиражом чуть ли не полтора миллиона экземпляров, — один из самых читаемых журналов в СССР. Но даже столь высокая трибуна не га-

рантирует жизни «мастодонту». Что ж, Родионов идет еще на один шаг: он организует в поддержку детища Кондратюка-Шаргея, «по расчетам которого американцы высадились на Луне»⁵, письмо

советских космонавтов. В сохранившемся черновике, на тетрадном листе в клетку, в самом верху написано от руки: «Почта летчиков-космо-

навтов СССР: 141160, Московская область, Звездный городок», ниже, с выключкой вправо — дата: «06. фев. 87». Рассказывая

в «Красной книге ремесел» о космонавтах, вставших на защиту «мастодонта», Родионов не открывает своего участия в этом начинании, а говорит о нем как о деле, сложившемся волшебным образом, как в русских сказках: «Дошла молва о возможной гибели «мастодонта» аж до Звездного городка. Космонавты обратились с письмом к первому секретарю крайкома партии Ф.В. Попову:

"... От имени советских космонавтов прошу Вас принять все воз-

можные меры по сохранению уникального элеваторного комплекса, созданного крупным теоретиком космонавтики и Вашим земляком Юрием Васильевичем Кондратюком. С уважением! Тоже Ваш земляк дважды герой Советского Союза летчик-космонавт СССР А.А. Леонов"»⁶. И еще подписи: А.В. Филипченко, П.Р. Попович, В. Рождественский, В. Н. Джанибеков, Ю. Н. Глазков. Почему именно эти космические фамилии (в черновике и книге одинаковые) вы-

брал Александр Михайлович, почему (что кажется более логичным) не уроженцы Алтайского края Герман Титов и Василий Лазарев под-

писывают письмо? Загадка. Но как бы то ни было, после письма космонавтов «разрушительная машина приостановила ход». Писатель не устает предостерегать: «Сооружение удивитель-

ное, и потерять его будет стыдно и непростительно».

Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1990. — С. 87.

⁵ Родионов А. М. Красная книга ремесел: заметки о чистодеревщиках, кузнецах, гончарах, ткачах, вышивальщицах, колыванских камнерезах.

⁶Там же.

«Мастодонт» пал в 2001-м. Кому стыдно?! Снова Родионову. Гибель элеватора, достойного книги рекордов Гиннесса, приводит Александра Михайловича в отчаяние. Вместе с писателем оплакивают «мастодонта» и каменцы — город скорбит.

Дом барнаульского купца Астафьева — тоже родионовская забота. Поначалу для кружевной шкатулочки с улицы Чехова все складывается удачно: по обмерным чертежам собираются восстановить ее на Анатолия, 102, рядом с Домом архитектора, открытым в 1985-м. Но возведение здания, обещанного Художественному музею под филиал народного искусства, затягивается на шесть зим

и лет. Промокшие под дождем и снегом бревна поражает плесень. Директор музея Любовь Николаевна Шамина поднимает «тара-

рам», объясняя начальникам на телекамеру, что «ни при какой погоде в такой дом музей перевозить не будет». Историю о привычной безалаберности и равнодушии Родионов рассказывает наряду с другими похожими эпизодами в объемной статье «Разбудить человека в человеке» на страницах «Молодежи Алтая» 27 февраля и 6 марта 1987 года. Публикация, к слову, впервые заявляет о том, что Александр Родионов готовит к изданию новую работу по истории народных промыслов на Алтае — «Красную книгу ремесел». Астафьевский особняк позже на средства Литфонда и с помощью субботников доводит до ума Алтайская писательская организация. С 1990-го по 2012 год строение служит писателям, но последние несколько лет по злой иронии судьбы в историческом здании находится хоспис. Красивое постановление краевых властей 1970 годов о создании на улице Анатолия охранной зоны, улицы деревянного зодчества, музея под открытым небом, где каждый дом будет

В 1986-м Родионов вступается за усадьбу академика Лисавенко. В его просторном дворе «пустили корни ореховые деревья, яблони, абрикосы и сливы, дуб и шелковица, а по восточной грани усадьбы встали лиственницы и ели. Маленький круглый бассейн у открытой веранды вносил в этот необычный уголок особую прелесть, своим спокойствием подтверждая: эта тишина и эта гладь воды — все

принадлежать творческому союзу, канет в небытие.

⁷ Там же. — С. 85.

Лисавенко должна быть сохранена для истории края, для истории садоводства Сибири», вместе с писателем обивает пороги разных инстанций инженер Владимир Пахомович Брякотнин, семья которого последней живет в доме, подаренном знаменитым садоводом

городу. Но у архитекторов козырь на руках — они обещают на месте усадьбы Дом знаний и телескоп. И «председатель горисполкома А.И. Мельников согласно кивнул им: "Да, будет телескоп"»⁸. Историю с домом, построенным Михаилом Афанасьевичем Лисавенко,

здесь для труда и раздумий»⁷. Доказывая, что «усадьба академика

Родионов завершает фразой: «Возможно, будет все иначе...» Писатель подразумевает, конечно, заманчивую оптику, должную встать на заветное место, видит пионера, припавшего к окуляру и самозабвенно наблюдающего за космическими просторами. Однако человек митающий «Красную книгу ремесел» десяток дет спуста после ее

венно наолюдающего за космическими просторами. Однако человек, читающий «Красную книгу ремесел» десяток лет спустя после ее выхода, допустим, в 2000 году, уловит в писательском высказывании сомнение, предчувствие другого мира, предречение раздора. Действительно, все вышло иначе. Где дом знаний? Где телескоп? На ме-

сте усадьбы академика винный магазин и бар-ресторан.

Грандиозную прю ведет Родионов в 1987-1988 годах, отстаивая архитектурное чудо Носовича — дом, «каких и в Сибири-то мало, что до Барнаула — то он единственный». На защиту уникального особняка поднялась вся городская общественность. По выраже-

нию Александра Михайловича, люди ударили «в газетный набат». «Да, видать, слабозвучна медь колоколов нашей краевой прессы, или обивка на дверях кабинетов толста, что не достиг ее звон ушей председателя горисполкома В.Н. Баварина»⁹. За дом Носовича просят художники-неформалы «Тихой мансарды», библиотекари,

Союз журналистов; «аз грешный, — говорит Родионов о себе, — предлагал отдать его детскому саду», и тут же восклицает: «И уж кому был под стать этот дом, так краевому совету ВОО-

«и уж кому оыл под стать этот дом, так краевому совету воо-ПиК. И по форме и по содержанию — памятник!»¹⁰ Ситуация с домом Носовича будто выходит из книг Салтыкова-Щедрина:

⁸ Там же. — С. 85. ⁹ Там же. — С. 86. ¹⁰ Там же. — С. 86.

городской думы (теперь часть здания занимает музей «Город»). Его имя внесено в российскую архитектурную энциклопедию XIX века.

Вступаясь за дом Носовича, Родионов понимает: одних статей, сколько бы их ни было, мало, необходимо влияние и помощь известных людей. Он звонит в Москву известному историку, знатоку администрирования и культуры Сибири, автору книг

о горных офицерах Людмиле Рафиенко. На телефонный звонок Людмила Сергеевна откликается письмом, в рескрипте от 17 февраля 1988 года она касается нескольких тем, в том числе и дома

«А покажите документ, что Носович — личность! Что он талантливый!» — доносится из горисполкома. Родионов отстаивает талант Носовича. И я, на всякий случай, напомню о достижениях архитектора. Иван Феодосиевич Носович разработал для Барнаула планировку города-сада, он автор проекта костела на Московском проспекте (ныне в обезглавленном здании аптека № 4), Народного дома в Бийске (в наши дни драмтеатр), Барнаульской

«Уважаемый Александр Михайлович! ...я слышала, что Вы первым подняли вопрос о сохранении дома И.Ф. Носовича. Я, вернувшись в Москву, написала докладную записку в Министерство культуры РСФСР В.В. Кучерову.

Но все потонуло в бумагах. На днях я узнала, что по письмам с мест об угрозе исчезновения памятников выезжают представи-

Носовича:

тели из фонда культуры СССР. Если дом Носовича еще не снесли, напишите в фонд культуры. Его возглавляет Мясников Георг Васильевич. Если только в Барнаул приедет представитель фонда, дом будет спасен.

И последний вопрос: как достать Вашу книгу по Колывани?»

Книга не проблема. Думается, выслал ее Родионов. А вот дом Носовича...

В архивном фонде Родионова хранится ответ прокурора Барнаула краевому совету ВООПиК и Прокуратуре края. Довольно странная, путаная, алогичная и вместе с тем смертельная для памятника архитектуры прокурорская директива переписана крас-

мятника архитектуры прокурорская директива переписана красной пастой от руки на обычный лист бумаги — почерк Родионова. Писатель сделал дубликат для себя и для истории.

Ответ городского прокурора по дому Носовича в записи Родионова выглядит так: «Установлено, что комиссия в составе: гл. арх-р города К.В. Башкиров, д-р ин-та Алтайгражданпроект Л.А. Вагнер, пред. ВООПиК Шелудченко, ... Долнаков,

зав. отд. куль-ры города В.Е. Доброумова, нач. упр. культуры Г. К. Зеленцов решила: здание Чернышевского, 152 построено в 1908 г. (Носович) представляет собой архит-ый и историч.

интерес.

Проект застройки сделан 12 лет назад — задолго до открытия (!) дома Носовича, комиссия решила перенести дом на Анатолия 106, в зону охраны. Она устанавливается решением край-

конструкции здания находятся в аварийном состоянии ...»

«...В настоящее время отдельные несущие и ограждающие

исполкома и утверждается Минкультуры РСФСР и Всероссийским обществом охраны... Такой порядок в отношении дома Носовича не исполнен, поэтому строение статуса памятника не имеет.

В связи с изменением решения Барн. горисполкома о переносе дома Носовича не противоречит закону, оснований к его опроте-

стованию нет.

Пр-р города, ст. советник юстиции А.С. Букреев». Родионову только и остается, что придать проблеме всесо-

юзную огласку. По его просьбе корреспондент ТАСС по Алтайскому краю Валентин Павлов отправляет 27 января 1989 года в Телеграфное агентство Советского Союза «острый сигнал»:

«гибнут в Барнауле памятники старины». Материал идет под заголовком «Памятник ... под курятник». В нем говорится: «Руководители местных органов здравоохранения, на балансе которых находился дом, продали архитектурный памятник под ... кооперативный курятник.

— Крепкий домина был, — говорят кооператоры, — даже 400-килограммовая клин-баба не взяла, пришлось бульдозер пускать... а птичник хороший выйдет!

— Впервые слышу об этом. Разберемся, — пообещал председатель барнаульского горисполкома В. Баварин».

Сообща барнаульцы добились обещания городских властей: дом архитектора Носовича возведут в охранной зоне все на той же улице Анатолия. И он есть там, выделяется, радует своей красотой, но стопроцентно оригиналу все же не соответствует.

«Кому закон не писан?» — спрашивает Родионов в газе-

те «Молодежь Алтая» 15 апреля 1988 года. Он снова негодует: «...Памятник будет утрачен. Далеко за примерами ходить не надо». И публикует две фотографии многострадального особняка купца Астафьева — 1976 и 1988 годов, — показывая, как искажен облик воссоздаваемого исторического объекта.

До чего неудобный человек этот Родионов! Он имеет наглость указать на ответственность городскому голове, а чиновникам рангом ниже разъясняет: быть руководителем не значит «руками водить». Невзирая ни на какие дружбы (и приятельские отношения часто трещат по швам), гневно и поименно крушит Родионов неизбывный «город Глупов».

Разобраться — он попросту называет вещи своими именами, говорит правду, и этого достаточно для того, чтобы одни его безмерно уважали, а другие — ненавидели. Вот его саркастическое слово о главных: «На краю котлована, вырытого для дома Носовича, теснимые вопросами передачи «Край родной» стояли главный архитектор города Башкиров, главный художник того же ведомства Боженко, главный архитектор института «Алтайгражданпроект» и много других главных. И все дружно соглашались, глядя на обезображенный облик дома, якобы перенесенного с улицы Чехова. И в голос единодушно утверждали: «Да-с! Это не что иное, как вандализм! Да разве

ж можно ныне так реставрировать!» Более лицемерной сцены, вынесенной на всенародное позорище, мне видеть не приходилось. Все эти, как принято говорить, заинтересованные лица несколько месяцев назад благословили разрушение дома Носовича. Моя попытка обратиться к «Закону об охране памятников истории...», гласящему, что на перенос памятника краевого значения необходимо разрешение Минкультуры РСФСР, успеха не имела»¹¹.

¹¹ Там же. — С. 86.

С тех пор прошло тридцать лет. Весной 2019 года в Барнауле ситуация повторилась с усадьбой купца Михайлова на Партизанской улице, городская интеллигенция встала на ее защиту. Будь жив Родионов, несомненно впрягся бы коренным. К сожалению, обаятельный, с образцовой кирпичной кладкой, двухэтажный дом-крепыш начала XX века разрушили так же, как и дом Носовича, — клин-бабой.

Что изменилось в нашем королевстве?!

В обширном тысячестраничном родионовском архиве хранятся машинописные листы со стихотворением «Домик в Михайловском». Текст, датированный точно: «16-21-22 сентября 1977 год», никогда не публиковался. Ему предпослан эпиграф из пушкинского «Домового»:

Поместья мирного незримый покровитель, Тебя молю, мой добрый домовой, Храни селенье, лес и дикий садик мой, И скромную семьи моей обитель!

ного комплекса «Михайловское» Семёне Степановиче Гейченко, фронтовике, потерявшем на поле брани Великой Отечественной руку и поднявшем из послевоенных руин родовую усадьбу Пушкина. Гейченко служит верой и правдой пушкинской обители: он ни разу не отлучится в отпуск, поселится на территории заповедника, дабы лично днем и ночью приглядывать за святыми для русской литературы местами. Все писатели СССР, когда-либо гостевавшие на празднике в Пушкиногорье, знают, что Семён

Степанович с легкой подачи поэта Михаила Дудина носит прозвище Домовой. Спустя годы, в 1996-м, о директоре «Михайловского», добром друге и соратнике, выпустит книгу под названием

В «Домике» Родионов пишет о легендарном директоре музей-

«Домовой» Валентин Яковлевич Курбатов. Александру Родионову тоже повезло быть в Михайловском и общаться с Гейченко. Под впечатлением от личности главного музейщика страны он напишет: Давно желанная дорога От Сороти к горе ведёт. И домовой походкой строгой, Совсем как Гейченко, идёт.

В средине восьмидесятых Родионов и сам становится Домовым со стажем — покровителем и хранителем старого Барнаула, создателем новых традиций на опекаемой территории.

Значится он «Домовым» и у знакомой детворы. У них —

за внешность: рыжий, бородатый, часто заросший по брови в за-

роке не стричься до окончания рукописи, коренастый, сильный, легкий на ноги. В его облике одномоментно откликаются и сказочный Иван-дурак, каким его можно видеть на иллюстрациях Били-

Барнаульцы стекаются к своему Домовому запросто. Приходят побеседовать с глазу на глаз старожилы, шлют письма с вопросами-советами неравнодушные горожане. «Писателю — для размышления», — пишет житель поселка Южный Ювеналий Веронский.

«Мне кажется, именно музей изобразительных искусств может разбудить человека в человеке, — рассуждает автор письма, обеспокоенный судьбой деревянного особняка на улице Анатолия. —

бина в детских книжках, и насельник славянской мифологии.

Так когда же откроются двери этого долгостроя?». Послание Веронского послужит импульсом к статье Родионова «Разбудить человека в человеке». Он же, Ювеналий Михайлович, заглянув осенью 1986-го в го-

сти к Родионову, между делом сообщает о пропавших наличниках на улице Партизанской. И Родионов бежит к своим сокровищам, мечется, ходит кругами на месте разора, выискивая уцелевшее. Подбирает брошенное, втоптанное, отмывает, отстирывает — и в этот

шивкой и сохранит, конечно. Так случается всегда, едва поступает «тревожный сигнал» о пропаже в его городском хозяйстве. «На следующий день я заспешил к перекрестку Партизанской

раз найдет на Партизанской половинку полотенца с прекрасной вы-

и Красноармейского. Дом, когда-то имевший номер 126, стоял еще на месте, но был уже без крыши. Оконные проемы зияли пустотой, а на том месте, где когда-то красовались наличники, на чистых крепких бревнах были видны только их следы. <...>

Ну ладно, подумал я. Пусть резьба здесь нарушена, украдена, снята! Исчезла резьба. Но ведь точно такая же была совсем рядом — чуть-чуть наискосок. Посмотрел в сторону дома № 135. Издали, казалось, он вполне еще цел. Приближаюсь — резьбы нет.

Я бросился едва ли не бегом к дому № 113 — может быть, на нем

сохранились деревянные узоры, выполненные по пятковским рисункам?.. Увы! И этот дом был уже обезглавлен, о резьбе не было

и речи. Темный сруб стоял пустой, нелюдимый» 12. Корит себя Родионов за наличники с Партизанской: не сберег домовую красоту для музея. И как не переживать, если несколько лет назад, собирая книгу «Чистодеревщики», он открыл имя мастера, украшавшего барнаульские дома, и по «почерку»

опознал оконные очелья, созданные им! Алексей Степанович Пятков держал иконостасную мастерскую в Барнауле, являлся дипломантом и обладателем золотой медали промышленных выставок. Родионов «выследил» его судьбу с отроческих лет, когда Алешку за 50 рублей выкупил у отца-выпивохи чиновник из Бийска, проезжавший Ирбит, и до 1914-го, в котором Пятков закрыл дело и ушел на фронт. Уже после «Чистодеревщиков» Родионов найдет потомков Пяткова, а в их семейном альбоме увидит фотографию Алексея Степановича. Карточку обнародует в «Красной книге ремесел». В этом же издании Родионов

называет и других барнаульских резчиков: «Иван и Ефим Паюсовы, Домашников, подмастерье Лолий Решетников — вот те немногие из имен, которым, пусть даже частично, был обязан старый Барнаул разнообразием оконных наличников и вообще домовой резьбы» 13. В «Славянских мифах» пишут о домовом: «Хозяйнушко все ви-

дел, все знал заранее. Он мог предупредить о грядущей беде плачем, оханьем...» 14 Вот и охает Родионов по домовой резьбе, вот и плачет по душе, уходящей из народа. «Не все мои стрелы долета-

¹² Там же. — С. 82.

ли до цели», — сожалеет хозяин старого города в своей последней

¹³ Там же. ¹⁴ Смирнов Ю. И. Славянские мифы. — СПб.: Паритет, 2009.

каменных вещей на Колыванском заводе в подлые девяностые не ведется. Домовой предостерегает, кричит, предлагает решения. За Колывань берется сам — восстанавливает список изделий, вышедших с завода в 1990-2000 годы.

книге «Одинокое дело мое»: дома сносят, кружева пропадают, книга

Человек чисто крестьянского замеса, он всем своим горячим и нежным сердцем любит народную культуру, отстаивает ее в статьях, книгах и высоких кабинетах. Случается, дерется за нее.

в статьях, книгах и высоких кабинетах. Случается, дерется за нее. А что делать, если слов не понимают?! В алтайской округе домового Родионова любят и побаивают-

ся. Почитатели, коих все же значительно больше, чем недругов, зазывают его в разные концы края, и если прежде он выступал в «солянках», то с лета 1986 года, дает исключительные «сольники». Манит в дорогу записочка из Рубцовска: «Географическое общество АН СССР, 15 человек, существует 15 лет, средний возраст 33 года.

Мы все проявили интерес к Вашей книге «Колывань камнерезная». Есть что сказать и есть что спросить. Будучи днями в Уймоне, услышал Ваше имя в краеведческом музее. Связали его с «Агашихой».

Кстати есть у нас интерес и к «делу о Кондратюке». Наши точки зрения по отдельным проблемам по этому делу могут не совпадать, а это значит, что есть предмет для разговора. Словом, мы жаждем встречи. С искренним уважением к Вам К. Севастьянов — руководитель группы.

P.S. Отправлено письмо в Барнауле. Зайти к Вам домой счел неудобным. 25.11.86» ¹⁵.

Застенчивость рубцовского географа и краеведа Клима Романовича Севастьянова понять можно, но осмелься он переступить родионовский порог — встретил бы самый радушный прием. Дом Родионова, где бы ни жил он, всегда был открыт и хлебосолен, а путники в нем особо почитаемы.

¹5 ГААК. Р 1696. О. 1. Д. 120. Л. 27

Отец-основатель В рассветные свои «домовые» годы Родионов несет на Алтай но-

вые традиции. С его подачи 24 мая 1987 года в Барнауле впервые

проходят Дни славянской письменности. Идею славянских дней, приуроченных ко дню святых Кирилла и Мефодия, поддерживает Семен Иванович Шуртаков, в прозаическом семинаре которого Александр занимался на ВЛК. Наряду с десятками других писателей Родионов становится гостем первого в СССР праздника

славянской азбуки, который состоялся в 1986 году в Мурманске.

Александр Михайлович берется перенести мурманский эксперимент на алтайскую почву. В преддверии праздника он публикует в «Молодежи Алтая» статью «Баллада о славянской азбуке»¹, присоединяя к своему тексту славянофильские высказывания известных советских писателей Валентина Распутина, Владимира Личутина, Владимира Крупина, Нила Гилевича.

«Во многих странах сейчас появились общества по охране родного языка. У нас такого общества, которое бы охраняло русский язык от жаргонов, американизмов, скороговорчатости, нет. Но, думается, в какой-то степени эти проблемы нам помог бы решить праздник письменности. Он дал бы всем нам прекрасную возможность еще раз оценить значение языка в нашей жизни и встать на его защиту»². В наши дни слова Распутина еще более актуальны.

В Барнауле, как и в Мурманске, праздник явится воплощением энтузиазма нескольких писателей, вузовских филологов и библиотекарей. Родионова поддержат Виктор Горн, Владимир Башунов, преподаватели пединститута и университета, сотрудники отдела редкой книги краевой библиотеки.

Репортаж о первых Славянских днях, вынесенный на первую полосу «Молодежки», «бальзамирует» для потомков писательскую печаль, вызванную равнодушием жителей города к славянской теме. Утренние доклады, выставка редких старопечатных книг из личной коллекции преподавателя университета

¹ Родионов А. Баллада о славянской азбуке// Молодежь Алтая. — 1987. — 22 мая. — С. 4.

² Там же.

ся, что в следующий раз нас будет больше»³, — растерянно говорит Виктор Федорович Горн, секретарь алтайской писательской организации». Ревнителей славянской культуры значительно прибавится, «когда праздник выйдет на улицу. Когда с песнями-перекатами пой-

Александры Ивановны Ивановой (известная в среде барнаульских филологов баба Саня) привлекли совсем не многих. «Будем надеять-

деревянном городке оживет златое "Слово о полку Игореве"»4. Второй, третий, четвертый праздники получатся, пожалуй, самыми яркими. И хотя журналисты в своих отчетах о событии все время сетуют на малолюдность, содержательное наполнение тех

дут по улице «Песнохорки», «Сказ», «Былина», а <...> в сказочном

славянских дней остается непревзойденным, они достойны подражания: «после каждого оставался какой-то знак, какая-то память» 5 . В 1988-м праздник отмечен книгой «Былины и песни Алтая» Степана Ивановича Гуляева в серии «Фольклорное наследие»

и открытием бюстов — Гуляеву и выдающемуся географу Петру

Семёнову-Тян-Шанскому на «пятаке» возле университетского корпуса «Д». И книжная серия, и значок на ее обложке — русская лилия, древнейший орнаментальный элемент, — придуманы Родионовым в его редакторскую бытность в Алтайском книжном издательстве. Также и площадка под гермы знаменитых фольклориста и географа утверждена главным художником Барнаула

Сергеем Боженко по подсказке Родионова. «Я заехал за Михалычем, и мы кружили по городу в поисках мест для установки бю-

стов известных людей, — вспоминает Сергей Алексеевич. — Гуляев рядом с университетом — это его предложение». Могло ли быть иначе после полугодового обсуждения на страницах крае-

вой прессы родионовской статьи «Память слова и дело памяти»?! Фотография Родионова, выступающего на Славянских днях

у бюста ученого-этнографа Гуляева, попадает на страницы

³ Кочнева М. Тайной манит наследство Бояна//Молодежь Алтая. — 1987. — 29 мая. — С. 1, 6.

⁴ Там же ⁵ Родионов А. Дань свету азбуки// Родионов А. Одинокое дело мое:

мгновенья лет мимолетящих. — Барнаул, 2011. — С. 72.

блиотеки к Никольской церкви, по тем временам еще клубу летного училища, — подвижничество Александра Родионова. Люди, идущие в колонне, несут макеты разрушенных церквей, фотографии памятников Нагорного кладбища, лозунги «Где эти памятники?» и «Вернем городу память». Все это — Родионов, его идеи

и энергия. Как и мемориальная доска на Никольской церкви, вы-

«Молодежи Алтая» от 27 мая 1988 года, но по какой-то причине в подписи под ней значится только имя фотографа — Борис Брязгин, а запечатленный на карточку главный герой никак не обозначен. Не исключено, что сработало подспудное убеждение: Ро-

Третьи Славянские дни, в 1989-м, ознаменует небывалая публикация, она затронет запретную, лежавшую за семью печатями на протяжении всего советского периода тему. В молодежной газете выходит вкладыш «Архитектурный мартиролог Алтая»⁶, иллюстрированный фотографиями утраченных церквей, купеческих домов, общественных зданий Бийска и Барнаула, Курьи и Колывани, Змеиногорска и Камня-на-Оби. Мартиролог — заслуга искусствоведа Тамары Степанской. Шествие от краевой би-

дионова и без того все знают.

полненная на куске картона «самолично» (родионовское словцо) при поддержке архитектора Петра Анисифорова. Мастерили ночью, а ранним-ранним утром, в самый сонный час, прибили дощечку на дюбеля к кирпичной стене.

К 1988 и 1989 годам относятся первые интервью с Родионовым в газетах, они появятся в «Молодежи Алтая» и пединститутском «Учителе». «Кульминационным моментом Дня будет митинг у Никольской церкви и открытие на ней, как историческом памятнике, мемориаль-

ной доски»⁷, — дает анонс празднику Александр Михайлович. В третьих Днях славянской письменности впервые принимает участие священник Михаил Сергеевич Капранов, испрошенный Родионовым в епархии. Отец Михаил читает лекцию о Кирилле и Мефодиив краевой библиотеке. Кроме того, праздник 1989-го

⁷ Родионов А. Культура, потерянная в пути? / интервьюер Н. Попова // Молодежь Алтая. — 1989. — 26 мая. — С. 7.

тека! Поставьте здесь памятник Кириллу и Мефодию, воздайте с благодарностью тем, кто одарил нас неиссякаемым светом письменности!» — пишет Родионов в статье «Дань свету азбуки»⁸.

запомнится выставкой архитектурно-реставрационных проек-

На рубеже десятилетий Александр Родионов и Сергей Боженко обсуждают возможность установки памятника солунским братьям, придумавшим славянскую азбуку, напротив Шишковки. «... Когда смотрю на раскорчеванный сквер у библиотеки, то мысленно приглашаю на этот пустырь алтайских скульпторов. Смотрите! Какая вольная площадка и какое светлое соседство — библио-

тов у Никольской церкви.

Не алтайские скульпторы и не рядом с Шишковкой — но спустя 20 лет мечта Александра Михайловича воплотилась в жизнь: в мае 2019-го памятник первоучителям, изобретателям славянского письма воздвигнут в районе барнаульского Речного вокзала

на Ленинском проспекте, возле женского Знаменского монастыря. В 1990-м, 22-26 мая, «Алтай ближе знакомится с журнальной культурой страны, в Барнауле гостят журналы «Слово», «Сибирские огни», «Наш современник», альманахи «Сибирь», «Енисей», «Мангазея». День Кирилла и Мефодия в Барнауле завершился

благотворительным концертом в филармонии с участием хора Покровской церкви и фольклорного театра «Ярманка». Собранные средства будут перечислены на восстановление Коробейниковской церкви.

Продолжим начатое, братья-славяне!» — взывает Родионов. И святое же дело после удавшегося действа — рвануть в Сростки, к Шукшину, на Пикет, и сбрызнуть славное начинание на воль-

ном воздухе, за мраморным столом, заранее приготовленным матерью-природой. Фотография хранит сей счастливый момент: на Пикете, вкруг камешка стоят заместитель редактора журнала

«Слово» Виктор Калугин (один из рецензентов книги «На крыльях ремесла»), легендарный директор Бийского краеведческого

В Родионов А. Дань свету азбуки// Родионов А. Одинокое дело мое: мгнове-

нья лет мимолетящих. — Барнаул, 2011. — С. 72.

⁹ Там же. — С. 73.

дий Касмынин, член редколлегии журнала «Современник». С годами Дни славянской письменности обретают силу традиции во всероссийских масштабах. В 1991 году Ельцин подписы-

музея Борис Хатмиевич Кадиков, Александр Родионов и Генна-

вает указ об их обязательном праздновании. С тех пор праздник проходит и в стране, и крае повсеместно — в школах, библиотеках, епархиях, правда, с некоторыми потерями: ему не хватает свежести, искренней погруженности в тему, сценарной изобрета-

тельности. Ни разу после 1988 года в Барнауле к Дням славянской письменности и культуры не издали книгу. Между тем в Алтайском крае и Сибири есть немало раритетов, достойных репринтного или обычного тиражирования. Александр Михайлович лелеял надежду издать «Травник» из фондов Атайского краевед-

ческого музея, «Историческое обозрение Сибири» Петра Словцова. Он мечтал создать при альманахе «Тобольск и вся Сибирь» библиотеку с названием «Сибирский раритет» 10 и собирался включить в нее книгу Егора Ковалевского, который первым написал об Алтае в стихах, и роман «Две и одна, или Любовь поэта» Владимира Соколовского, современника Пушкина. Родионов почитает книгу самым дорогим праздничным подношением. Сборник Гуляева расценивается им как лучший подарок всем студентам-филологам, изучающим курс устного народно-

Став плановыми, Славянские дни превращаются в мероприятие. Принятия мер Родионов не любит, слово «мероприятие» принципиально не употребляет, противопоставляя ему — «ми-

го творчества. Пятидесятитысячный тираж гуляевских «Былин», собственно, и расходится по домашним библиотекам словесников, а книга очень быстро становится библиографической редкостью.

роприятие». С 1991 года Александр Михайлович не участвует в организации официальных общегородских дней славянской письменности и культуры (раз узаконено, так и нет смысла), но с удовольствием откликается на приглашения учителей литературы выступить перед школьниками.

¹⁰ Родионов А. Поверяя прошлым настоящее / интервьюер С. Тепляков// Алтайская правда. — 2011. — 12 авг. — C. 3.

Осенью 1989-го Родионову не дает покоя новый замысел, и, как обычно, за поддержкой он спешит в редкий фонд краевой библиотеки к Валентине Петровне Кладовой. Без долгих вступлений предлагает с порога:

— Давай создадим клуб любителей алтайской старины. При твоем отделе.

— Давай, — легко соглашается Валентина Петровна. — Кто ж еще создаст? Редкий фонд — штаб елки.

Кладова берет на карандаш всех краеведов, а 19 октября, на первом организационном собрании, Родионова выбирают президентом клуба «Краевел»: 21 декабря 1989-го на Барнаульской спичеч-

том клуба «Краевед»; 21 декабря 1989-го на Барнаульской спичечной фабрике, изначально Сереброплавильном заводе, проходит первое клубное заседание по теме «Старый Барнаул».

«Краевед» немногим позже переименовывают в «Клуб любителей алтайской старины», сокращенно — «КЛАС-С». Переход

к иному названию, во-первых, имеет историческую подоплеку: горный офицер, начальник Алтайского округа Николай Иванович Журин веком раньше, в 1891 году, организовал Общество любителей исследования Алтая. Названия исследовательских кружков, разделенных столетием, становятся созвучными. Вторая причина кроется, по всей видимости, в том, что Родионов не любит слово «краевед», категорически не принимает его по отношению к себе, объясняя: «Краевед — это где-то с краю».

по отношению к себе, объясняя: «Краевед — это где-то с краю». В 2005-м, в юбилейном интервью, задетый «краеведом» за живое, почти взрывается, разражается тирадой: «Я ненавижу это слово. Если я занимался историей деревянной резьбы на Алтае, то в первую очередь меня интересовало, откуда пришла технология, сама техника резьбы и символика узора. А не то, где какая изба стоит. Я считаю, что занимаюсь историей русского искусства — изучаю, как сообщается русский «деревянный материал» с другими культурами, как этот орнамент претерпевает влияние соседних культур. Если перевести слово «культура» на русский язык, будет слово «возделывание», «почитание». Тогда другие оттенки возникают. Что мы возделываем? Поле. Лом. Но в первую очерель — себя, лушу, а потом все остальное.

Дом. Но в первую очередь — себя, душу, а потом все остальное. Что душе потребно, то мы и провозглашаем, и превозносим,

тературным делом».11 Сотрудник отдела краеведения краевой библиотеки Вера Сергеевна Олейник, часто имевшая дело с Александром Михайловичем,

и ниспровергаем то, чему она противится. И вообще я занят ли-

свидетельствует, что в конце концов Родионов сменил гнев на милость и краеведение «реабилитировал». И, действительно, есть тому подтверждение в его статье «Универсальная и единственная». Александр Михайлович пишет: «...программа «Память Алтая»

кардинально переиначила восприятие всего написанного об Алтае и на Алтае, уходя от заниженного толкования понятия краеведения, как некоего второстепенного и вспомогательного предмета»¹².

Но по старой памяти я никогда не называю Родионова «краеведом», считая, что это определение все же для него узковато. Он уклада и искусства.

писатель, историк, русовед — редкий знаток русского народного «КЛАС-С» счастливо живет четверть века, его последнее заседание состоится 25 марта 2015 года. Традиция прервется с уходом на пенсию заведующей отделом редкой книги, первого и бессменного секретаря клуба Валентины Петровны Кладовой.

Но славные клубные страницы незабываемы. На встречи собираются слушать и спорить лучшие люди Барнаула и соседних городов: Борис Хатмиевич Кадиков и Сергей Исупов — из Бийска, Валентина Христиановна Смирнова — из Змеиногорска, Влади-

мир Максимович Комаров — из Волчихи, а, случается, весь клуб совершает выездные заседания — на Спичку, в Волчихинский истоико-краеведческий музей или в Змеиногорский музей горного дела. По окончании дебатов краеведы собираются вокруг огромного пирога с капустой, за угощением продолжается обще-

ние, обмен мнениями, рождаются темы будущих «летучек». В 2015 году всегдашний «штаб елки», где Родионов никогда не знал отказа своим самым смелым предложениям, издает сборник

дело мое: мгновенья лет мимолетящих. — Барнаул, 2011. — С. 236.

¹¹ Родионов А. «В поисках Беловодья» /интервьюер Л. Вигандт // Вечерний Барнаул. — 2005. — 6 мая. 12 Родионов А. Универсальная и единственная// Родионов А. Одинокое

25 лет». В качестве предисловия к нему помещена речь Александра Михайловича Родионова на пятнадцатилетии клуба. За печатными строками улавливается живая увлеченная манера говорения Александра Михайловича, знакомый жар слова, возвышенные признательные интонации, адресованные сотоварищам по поисковому делу. «Вокруг старых, а стало быть, редких книг и люди неординарные клубятся, как некое интеллектуальное облако, — обращается к соратникам Родионов. — Давайте окинем, пусть и не подробным взглядом, имена тех, кто выступал с докладами на заседаниях клуба: Константин Никифорович Метельницкий — в конце 80-х заведовал отделом досоветской истории краеведческого музея, знаток не только фондовых, но и частных коллекций старины. Яков Егорович Кривоносов — археограф Центра хранения архивного фонда Алтайского края, автор множества публикаций по истории Алтая. Алексей Дмитриевич Сергеев — кандидат исторических наук, большой знаток подробностей горного дела на Алтае. Василий Федорович Гришаев — научно не титулованный, но обогащенный долголетней работой в архивах, исследователь судеб алтайского горного офицерства, автор нескольких книг. Вениамин Михайлович Чекалин — кандидат геолого-минералогических наук, заслуженный геолог России. Людмила Михайловна Остертаг — основатель и руководитель литературно-краеведческого музея школы № 27. Какую-то особенную уверенность и запас не мимолетной любви к истории Барнаула придавал заседаниям клуба своим смиренным, обеспеченным

«Избранные страницы: клубу любителей алтайской старины

судьбой присутствием Сергей Иванович Пирогов. Он не напрягаясь, не роясь в памяти, мог рассказать историю не только того или иного дома, но и назвать его жильцов 60-70-летней давности. А если заходил разговор о юных годах, то Сергей Иванович мог вспомнить, в какую библиотеку и с кем ходил молодой барнаулец Сергей Залыгин, как вел уроки рисования Сергей Митрофанович Розе, в конце концов мог вспомнить, и сколько хлеба можно было получить на лесозаводе Козлова за бричку серебросодержащих шлаков Барнаульской плавильной фабрики — шлак для из-

влечения серебра переправляли в Новосибирск, а барнаульцы

в 1930 годы кормились тем, что недоплавил XIX век. С участием фотографа Пирогова вышли почти все книги по искусству. Не было такого художника в Барнауле и на Алтае, которого бы не знал Сергей Иванович. Светлая ему память»¹³. Родионов признается, что из полусотни заседаний запомни-

лись ему сильнее прочих несколько, но более всего — грандиозная встреча, посвященная судьбе коменданта Бийской крепости Антона Скалона. «К этому имени, пожалуй, подталкивало то обстоятельство, что в Барнауле жил и работал Александр Васильевич

тона Скалона. «К этому имени, пожалуи, подталкивало то оостоятельство, что в Барнауле жил и работал Александр Васильевич Скалон, — вспоминает историю знаменитого заседания Александр Михайлович. — При встрече я спрашивал его, не родственник ли он тому Скалону, памятник которому мне довелось увидеть под-

ле стены смоленского Кремля. Там покоится тело героя Великой войны 1812 года, которого великий враг Наполеон распорядился похоронить со всеми воинскими почестями. «Родственник, но не прямой, — отвечал мне наш барнаульский Скалон. — Это сын бийского Скалона». «А есть ли прямые потомки тех Скало-

нов?» — не унимался я. «Есть, — уверенно отвечал Александр Васильевич, — Николай Романович Скалон. Живет в Алма-Ате. Филолог». И вот представьте себе: идет заседание клуба. В кресле Скалон барнаульский, рядом в кресле Скалон алма-атинский». Летопись от Валентины Кладовой фиксирует: 15 марта 1990 года на заседание «Фамилия Скалон в истории России и Алтая» собрались более 60 человек. Все участники встречи испытали потрясение, а заключается оно, в понимании Александра Родионова, в следующем: оба Скалона вспоминают родословную до четвертого-пятого колена, «дальше — мрак истории. И тут в разговор вступает бийский историк Сергей Исупов...и история рода Скалонов продолжается, длится, погружается вглубь средневековья! Оба живых Скалона зачарованно слушают Исупова. Они это слышат впервые! В зале — все участники заседания — тоже впервые это слышат. И на заседании том слушателей и участников было плот-

но, как семечек в подсолнухе. Это был настоящий пир памяти!»

¹³ Родионов А. Проверка на прочность // Избранные страницы: клубу любителей алтайской старины 25 лет. – Барнаул, 2015. – С. 5.